

исполнение и всего земного доброплодия изобиливание», и синтаксически неправильный оборот: «в них же (?) не бьшеть тогда поганина», что бессмысленно, ибо именно в XII и XIII вв. среди данников Руси было достаточно «поганных» язычников, как это видно из «Слова о погибели». Затем краткая фраза «вси повиновахуся им» в Степенной книге имеет добавления: «уду же присягаху и повиновахуся многие страны». Только начиная со слов «и дань даяху», Степенная довольно точно переписывает текст «Родословца», отказавшись от цветистых добавлений; впрочем, прибавлено три раза «и» и один раз «не».

Следовательно, все рассуждение М. В. Горлина о том, что редакторы Степенной переставили цитату из «Слова» в конец с редакции жития, совершенно неверно. Редакторы Степенной и не видали «Слова». Перед ними был текст «Родословца», которым они своеобразно воспользовались. «Родословец» же воспользовался текстом «Слова», и нет необходимости предполагать для обоих какой-то общий, древнейший источник, как это делает А. И. Соболевский⁵⁵ и Н. К. Гудзий.⁵⁶

Можно предполагать, что автор «Родословца» имел перед собой какой-то более полный текст «Слова о погибели». Такие эпические выражения, как «вси страны трепетаху ближнии и дальнии, и сами Гречестие цари», могли находиться в подлиннике «Слова»; сравним в «Плаче князей рязанских»: «и во всех странах славно имя имяше, к греческим царем велику любовь имуще и дары от них многие взимаша». Подобно этому, фраза «вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря» вполне в стиле «Слова».

Особенно любопытна фраза «Половци дань даяху и мосты мостяху». Она напоминает стих «Слова о полку Игореве»: «начаша мосты мостити. . . всякими узорочьи половецкими». В оригинале «Слова о погибели» могло быть такое упоминание о половцах. Наконец, фраза «татарове же тогда ни слухом именовашуся» вполне логично могла стоять в изображении былой славы Мономаха в «Слове» (ср. «а немци радовахуся, далече будучи»).

В перечислении народов «Родословец» сильно изменил свой оригинал: он вставил «чюдь», исключил «тойму» и «дышущее море», но оставил «устюг» довольно неудачно: получилось, что этот русский город относится к чужим странам, дававшим дань. Выпущена мало известная «вяда», но в рифму к «буртаси» вставлены «черкасы», что указывает на начало XVI в.⁵⁷

Генеалогический ряд в начале «Родословца» — «От Рюрика. . . от Игоря сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича» — сильно напоминает концовку «Слова о погибели»: «от великого Ярослава и до Володимера» и обратный ряд предков, где сказано: «великому князю Всеволоду, отцу его Юрю князю Киевскому».

Наше заключение: «Слово о погибели» было известно как самостоятельный отрывок, вне связи с гипотетическим житием Ярослава и вне

⁵⁵ А. И. Соболевский. Рец. на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковская старина, т. I. Псков, 1910). — ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208.

⁵⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 539 и 542.

⁵⁷ Перечень народов в Степенной книге (и в «Родословце») вовсе не «более географически упорядочен», чем в «Слове», как это казалось А. И. Соболевскому. В него внесены «обои болгары» и «черкасы», что невозможно для XIII в. А главное, тогда как «Слово» различало соседей и данников Руси, «Родословец» смешал все названия, сделав данниками Руси и угров, и чехов, и ляхов, и немцев, и даже русский град Устюг, что показывает весьма плохое знание истории. Единственно, помещение чехов между уграми и ляхами более логично, но оно может восходить к более правильному тексту «Слова».